

самого себя, хмурого существа, которого бежит даже злоба и которое, как в насмешку, иногда светлеет от гримасы угрюмой непримиримости. Вы одиноки.

Медленное падение, быстро, пустые мастерские и окраины, комнаты, сдающиеся на день. Клошары начинают узнавать вас в лицо.

А ведь еще до падения вам иногда представлялся случай: вам доверяли пику или алебарду. Однажды вечером пьеса скончалась, и все надо было начинать заново. И вот от алебарды к кривой турецкой сабле, от сабли к мушкету, от римского шлема к резиновому жилету, из недели в неделю нужно не утратить стремления добиться наконец слова, потом фразы. Правда, некоторые дебютируют сразу в очень большой роли. И она их скирает.

Пожалуйста, не отворачивайтесь. Вы хотите, чтобы актер был полезен обществу, благами которого он пользуется вполне законно, как все прочие его граждане: дороги, газ, электричество, социальное страхование, захоронение в освященной земле, первое причастие, исповедь — раньше вам этого не дозволялось — орден Искусств и Литературы*, больницы, обед в Елисейском дворце, счет в банке, орден Почетного легиона, сады и парки, бордели и так далее. И если актер хочет быть в глазах всех чем-то иным, чем пугающий и забавный манекен во плоти, чем отработанная с помощью науки

ней что бы то ни было. Но мы вместе. А зачем еще нужны эти ночные сборища, как не за тем, чтобы испытать и разделить общее удовольствие и счастье! Честно говоря, в таком случае я уж предпочитаю коллективное выражение чувств на балах 14 июля, или общественную приподнятость ваших демонстраций на площади Республики, Бастилии или Нации, или военные парады с кликой во главе. Почему я все реже и реже хожу в Оперу? Из-за толстобрюхости тенора или меццо-сопраны? Сегодня наши теноры достаточно стройны и наши возлюбленные все больше и больше, все лучше и лучше безрассудны. Я редко посещаю звуковые драмы по той лишь причине, что мои соседи на один вечер кажутся мне выходцами из иной духовной семьи, чем та, с которой я привык всегда соседствовать...

Поговорим о вещах, касающихся сцены. В период царствования Руше во Франции и консульства Сичилиани в Италии мне выпала удача попристествовать на нескольких оперных репетициях. Насколько этот естественный беспорядок репетиций, их хрупкость, неожиданность, взволнованность, намеренное отсутствие вокальных подвигов, неяркое освещение и, наконец, необходимо сказать, пустота зала предпочти-

без сожаления разных Раулей де Нанжиса, Сигурдов де ля Жольетт и Африканцев де Баденге — пародии на пародии, — изучим феномен оперы таким, каким он предстает перед нами в самых чистых своих шедеврах на протяжении двух последних столетий. Мало сказать, что самые одаренные композиторы большей частью высказывались *plens volens** за банальность или полное отсутствие интереса в сюжете, или за потрясающую историю про богов и рейнских героев, рядом с которыми чудовища из фильмов ужасов кажутся детьми из хора или йе-йе; иначе говоря, они просто смеются над нами, черпая из животворного источника своего музыкального воображения в тот самый момент, когда сюжет, уже достаточно сомнительный, превращается в абсурдный и смехотворный, тягостный или просто глупый. Так как в этой коварной оперной системе самое худшее заключается в том, что музыкальный гений композитора всегда может спасти глупый сюжет, закамуфлировать известную чрезмерность, осыпать прекрасными звуками пустоту, ошибку, беспомощность сюжета. Ведь необходимо окончательно расторгнуть этот мезальянс, этот союз-адультер? Начать все сначала?

Желая придать смысл и определенную силу убеждения этому так называемому оперному искусству, я сосредоточу свои усилия не на нем, а, конечно же, на так называемом драматическом театре, на театре разговорном (может быть, я и размышляю в данный момент, но продолжим). Я подчиню его такой логике интересов и страстей, такому строгому следованию логике фактов, событий и приключений, что — при этом, — желая очистить после долгой работы по анализу и структурированию не только фразы, но и звуки, каденции, крики или пение, защитив в них слова, — слово станет слышимым в этих каденциях, криках и пении и захочет остаться слышимым любой ценой; ведь композиторы настолько безразличны к нашему вниманию и желанию, что в девяти случаях из десяти басы вынуждены раздавливать слог, колоратура свистеть так, что мы ничего не понимаем, сопрано облагораживать свою дикийцию до такой степени, что часто она производит не «мужчина», а «мужечина», что огорчительно, во всяком случае для нашего пола.

Слово, даже изолированное, должно, как и нота, сохранять свое звучание. Едва ли будет парадоксом мое утверждение, что можно составить текст для оперы (станем пока еще так ее называть), употребив менее духот слов. Но мысли, чувства, выбранные для этого, должны быть таковыми, чтобы их нельзя было выразить иначе, как через музыку. И тогда композитор, стараясь не впасть в мело- или звукоманию, будет стараться не отойти ни на йоту, ни на вздох, ни на две восьмых от необходимости и правдивости сюжета. Тут и там, и даже у великих, еще очень часто уступают музыкальному «гению» до такой степени, что мы забываем смысл вещей, сюжетов, которые разворачиваются перед нами. Всякий раз, когда он больше не понимает, когда ему больше не слышны слова, зритель должен был бы поднимать крик. Но мы сейчас переживаем, мой милый, период трусости, или, если вам больше нравится и чтобы вас не сердить, скажем, период благосклонности к культуре (ох, уж это последнее слово!). Потому нет ни криков, ни скандалов, ни публичных схваток. Известно, что оперные театры — это всего лишь музеи. Или ангары. Все завершается предписанием врача: «Государство заплатит».

Но я боюсь, что потребуются поколения композиторов-драматургов, прежде чем будут создаваться произведения незамедлительно становящиеся доступными публике и в то же время богатыми самыми оригинальными музыкальными открытиями.

...Я не забываю, что среди профессионалов существуют истинные любители с замечательными душевными качествами... я голосую без колебаний: «Любители всех стран, соединяйтесь!». И поступая так, я встаю против «супер»профессионалов.

...А так как мы бродим по музыкальным дорогам и беседуем в этот раз об опере, прогуливаемся по Милану от Сан Сиро до Пиацца делла Скала, то я, дорогой Ком, предлагаю вам эти несколько строк, написанных знаменитым скала-поклонником. Таким образом, вы сможете судить, сколь я заботлив. Когда его спросили, в каком месте он присутствовал на лучшем представлении хорошо сыгранного и хорошо спетого произведения, и добавили «Естественно, в Театро ди Рома или в «Ла Скала», он ответил: «Нет. То было однажды вечером в случайном месте и в исполнении случайной труппы, артисты которой мало что умели, но у которых была необыкновенная живость в крови, и играли они как ансамбль».

Вы узнали Стендаля?

Ваш...

Перевод и комментарии
Татьяны ПРОСКУРНИКОВОЙ.

- Жан Вилар и Жерар Филип на репетиции.
- Жан Вилар.

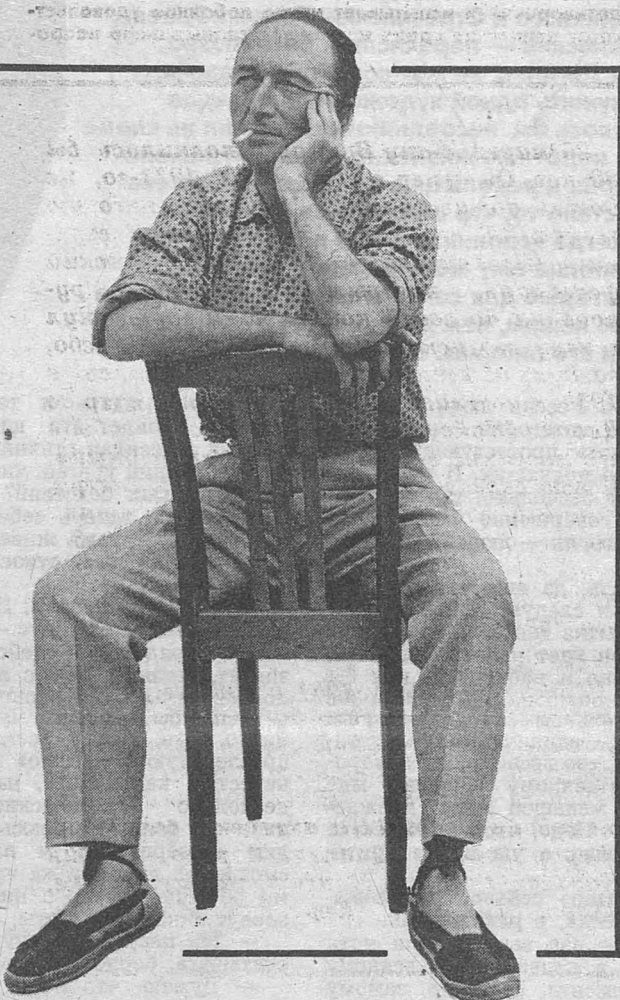
* Волей-неволей (лат.).

Жанна Моро, Филипп Нуаре, Моник Шометт во многом благодаря Вилару стали легендарными персонажами французского театра и кино.

Оставив в 1963 г. руководство ТНП, Вилар поставил несколько оперных спектаклей. Музыка была с ним рядом всю его жизнь, и он страстно мечтал о переменах в музыкальном театре. В архивах парижской «Гранд-Опера» хранится детальный проект предлагаемых им реформ.

Искусство театра эфемерно, и те немногие видео- и киноматериалы, что остались от «театра Вилара», не могут представить его нам во всей полноте. Но осталась книга, увидевшая свет уже после смерти автора. «Хроника в форме романа» — произведение по-своему уникальное, свидетельство постоянной внутренней борьбы Художника, который большинству современников казался удивительно решительным и цельным. Таким он и был «в миру», а наедине вел полный сомнений диалог с самим собой. Раздвоившись на Кёма и Икса, словно дав жизнь каждому из противоборствующих «я», Вилар стремится с помощью иронической интонации смягчить свою полную трагизма исповедь, горечь своих размышлений о судьбе человека театра.

Книга готовится к печати в издательстве «Искусство».

чувствительность, восприимчивость и мнемотехнический мозг, то ему неизбежно предлагают вернуть обществу — иным путем, чем через призывные пункты или генеральную налоговую инспекцию — кое-что из тех благ, которые ныне общество предоставляет ему без ограничений, не так ли? Но что делать с этим нераскаившимся анархистом? Как включить его в V План? Что, клоуна? Будем серьезны. Скорее взорвут Лувр. Так что же, позволить этому скомороху пользоваться нашими слабостями и нашим желанием развлечься, обогащаться за счет нашего золота, держа нос по ветру, использовать технические завоевания нашего общественного развития только лишь потому, что он нас развлекает нас? Знаете, так не может продолжаться. Я спрашиваю вас, и на сей раз вы мне ответите, не следует ли погрузить его в это общество и окончательно закабалить его обязанностями?

ГАЗТАН ИКС — КОМУ

...Я и вправду был столь легкомысленным в тот вечер в Оперу? Столь болтливым и непоседливым? Если это и так, то меня это не огорчает. Рискую показаться вам бесчувственным к оперному искусству — во всяком случае к тому, какое видение и слышание его нам предоставляют нередко, — скажу, что я предвидел то, что произойдет на сцене и в театре. И когда входил в зрительный зал и усаживаешься или погружаешься в кресло, заранее зная, что увидишь и услышишь, то это подталкивает к неожиданному поступку. Нам нужен сюрприз, и тут уж выкручивайтесь, как умеете, господа композиторы, авторы, актеры, техники и прочие. По правде говоря, в тот вечер, который мы провели вместе, я направлялся на встречу с вами к зданию Гарнье по бульвару Мадлен в состоянии полной беззаботности. На что я надеялся? На что я мог надеяться? Может быть, пользовался минутой благодати или мимолетным чувством взволнованности? Чем-то менее обветшалым, чем обычно? Ведь грусть и пыль в своем роде неизменные спутники верного поклонника Оперы. Я неоднократно говорил вам, что в этих так называемых оперных залах меня раздражает публика. У меня нет желания разделить с

тельнее и более захватывающе, чем представления на публике, выверенные в соответствии с малопонятными ритуалами. И тенор не воображает себя тореодором, brinde for signor presidente, баритон рогаосцем, а дирижер бандерильером. И сопрано не перестает быть женщиной. Какое разочарование, когда серьезные вещи начинаются с момента появления слушателей! Указания режиссера разрушают очарование. Исключая редких гениев, страх душит воображение. Партитура стелется, как лента шоссе. В конце концов вы становитесь зоофобом и агорафобом, так как настоящие лошади гарцуют на деревянном полу и сто, двести или триста статистов и хористов заполняют собой все поле вашего зрения. Сцена освещена так, как освещают исторические памятники. Дива дрожит под слоем грима, потому что рядом с ней командос конца века размахивают ятаганами и ножами. Чтобы завершить сие бессмысленные миражи и фальшь, занавес движется взад и вперед, сметая поклоны. Виноват ли режиссер в том, что я скучаю на этом неожиданном цирковом представлении, в котором, увы, нет великопленного и жалкого клоуна? Виноват ли дирижер? Дирекция или артисты? Не думаю. Зло имеет более давнее происхождение. Порок заложен при рождении. В день, когда родилась опера, — нужно, чтобы нас по крайней мере освободили от этого слова, — театр отделился от театра. Письменный театр, поэтический или в прозе, сохранил привязанность к правдивости, к похоти, к понятию необходимости, к извлекаемому из него уроку. Опера забрала с собой напыщенность, украшательство, блеск и тому подобное. Я знаю: «Вначале был Монтеверди». Дело как раз в том, мой милый, что Монтеверди бесконечен. Перечитайте для сравнения наш славный, а порой и очень волнующий театр XVI и начала XVII века; перечитайте итальянцев той поры, которые не приемлют или не знают, — национальное преступление, — о первых «оперных» излияниях в их стране. Каким все становится упорядоченным уже при Лариве, при Мачиавелли, при этом мошеннике кардинале Довиццо да Бибиена!

Да, отделение было окончательным с самого начала. С того момента, думая об опере, думают о музыке, звуках, оркестровке и тому подобном, и редко, очень редко (Моцарт) о правдоподобии или важности темы. Кажется, что это само собой разумеется, что это неизбежно. Попробуем рассмотреть вопрос и, изгнав

* Нечто вроде Государственной премии в области литературы и искусства.